

отделяет свое счастье, например, от родины; он, бедняк, не умеет возвыситься до того, чтобы понять благо родины неразрывно со своим собственным счастьем и чтобы не понимать счастья иначе, как при благоденствии родины». ³⁸ Если Инсаров — классический Дон Кихот в тургеневской интерпретации этого мирового образа, то Базаров даже не «гамлетизирующий Дон Кихот», как назвал его Ю. Манн, а донкихотствующий Гамлет. Его дерзание отягощено сомнением в конечной осмысленности действий. Его поединок с *дядей* (чужим, но это здесь неважно) есть тоже дело чести. Он не принц, а лекарский сын, но в нем тоже трепещет, любит и ненавидит бунтующее *сыновство*. У него принципиально иные, чем у Дон Кихота, отношения с идеей: он ей не подчиняется, он из нее вырастает по ходу романа, она уживается в нем с другими идеями, в то время как Раскольников полностью находится во власти одной идеи и выбраться из ее тисков не может. В Раскольникове тоже есть следы Дон Кихота и еще более Гамлета, но черты обоих типов извращены, изуродованы его *наполеонизированным* сознанием. Его *быть иль не быть* оборачивается уголовщиной, его «рыцарство» оказывается убийственно для тех, кому он якобы служит.

Между прочим, у него, как у Базарова Инсаров, тоже есть предтеча в творчестве собственного автора. Раскольников в определенном смысле это *проба* самого Достоевского, попытка преобразить «автора» каторжных записок Александра Петровича Горянчикова, тяжело страдающего от своей неуместности и чужести в среде законных каторжан, — в своего, *законного*, в «убийцу в законе». «...В романе 1866 г. ведь так еще и сквозит, ведь там еще жив, еще не перестал болеть даже весь ужас *острожного опыта*». ³⁹ Эксперимент показал: *стать* своим невозможно. Своим можно только *быть*. «...Я только *попробовать* сходил...» (6, 322), — оправдывается перед Соней Раскольников. Примечательное признание: злоумышленно убивший двух человек преступник был всего лишь экспериментатором, постановщиком опыта. И хотя опыт дал отрицательный результат, лазейка для «последователей» осталась: неудачу можно объяснить и тем, что Раскольников действительно, как сам о том подозревает и твердит, слабый человек. Первым на это указал Д. И. Писарев, но от «революционно-демократического» прочтения Достоевского впоследствии отмахнулись как от неадекватного, переведя разговор в религиозно-философский план. Между тем Писарев абсолютно прав в том, что Раскольников «сделался безответным рабом своей проклятой мечты», ⁴⁰ эта *мечта* затмила в нем разум, совесть и чувство, лишила *свободы* его *рассудок* и *волю* и принудила совершить то, что абсолютно не вяжется с этим, как назвал его И. Анненский, «очаровательным мальчиком». ⁴¹ Более того, в случае Раскольникова *идея* становится фактором, равновеликим и равнозначным *среде* в интерпретации столь нелюбимых Достоевским социалистов. «...Всё у них потому, что „среда заела“, — и ничего больше!» (6, 196), — возмущается Разумихин. Но точно так же, как социалисты объясняют преступление внешними относительно человека обстоятельствами, преступление Раскольникова и в романе, и за его пределами объясняется *исключительно теорией* («Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!»), в то время как сам он, по словам изобличившего его следователя, «совсем не такой подлец» (6, 351). Очень

³⁸ Добролюбов Н. А. Избр. статьи. С. 190.

³⁹ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 186.

⁴⁰ Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. Т. 3. С. 211.

⁴¹ Анненский И. Книги отражений. С. 191.